

Сергей Сюрсин

ФАНТАСТИКА

Пятый меч

Сергей Сюрсин

Пятый меч

«Издательские решения»

Сюрсин С.

Пятый меч / С. Сюрсин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747550-5

В четвертую книгу собрания сочинений вошли фантастическая повесть «Пятый меч» (космический боевик), серия фантастических сказок «Агапыч» и рассказы.

ISBN 978-5-44-747550-5

© Сюрсин С.
© Издательские решения

Содержание

Пятый меч	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Пятый меч

Сергей Сюрсин

Дизайнер обложки Игорь Владимирович Михеев

© Сергей Сюрсин, 2018

© Игорь Владимирович Михеев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-7550-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пятый меч

– Траскмен?!

Этот возглас внес замешательство среди нападающих. Четверо замерли в нерешительности, пятый же, сделавший выпад, помедлил на мгновение, за что и поплатился. Одним взмахом меча противник отрубил ему руку по самый локоть. Не чувствуя боли, тот растерянно переводил взгляд то на внезапно онемевший обрубок, из которого пульсирующей струей хлестала черная в свете факелов кровь, то на упавшую под ноги руку, упорно не желающую отпустить меч. Не понимая происходящего, он нагнулся, схватил руку и принялся прилаживать ее к локтю. Рука отваливалась, не желая становиться на свое место. Или ей мешал тяжелый меч. Яростно взрыкнув, раненый наступил одной ногой на меч и, насилу разогнув скрюченные мертвые пальцы, оторвал от него руку. Недоуменно посмотрев на руку, он стал опять прилаживать ее к обрубку, ругая и понося ее бранными словами. Словно это была ее вина, что она сама не хотела быть единым целым с его телом. Нахлынувшая волна боли, пришедшая на смену шоку, смяла охватившую его мозг пелену сумасшествия и, щадя, отключила сознание. Раненый рухнул на пол.

В красноватых отблесках пламени факелов на прокопченных до черноты и оттого создающих ощущение безмерности, необъятной бесконечности и нереальности стенах, гротескно кривляясь, плясали силуэты людей.

– Прекратить! – крикнул вошедший, сопровождаемый свитой из двух человек, факелами освещавших путь своему предводителю.

Нападавшие, опустив мечи, отступили в сторону, открыв вновь прибывшим человека, устало опирающегося спиной о стену. Его рука крепко сжимала меч, готовая мгновенно пустить его в дело, глаза напряженно буравили тьму, пытаясь разглядеть сквозь отблески факелов своих врагов.

Предводитель, пренебрегая опасностью, перешагнул через несколько трупов, поверженных в этой неравной схватке, приблизился к обороняющемуся и принялся бесцеремонно разглядывать его меч. Узкое, дымчатое с блестками лезвие из титановых легированных сплавов, витиеватый узор вдоль лезвия, простой крестообразный, но переливающийся разноцветными искорками от вкрапленных драгоценных камней эфес – все это указывало на оригинальное, неповторимое изделие, отличное от ремесленных.

– Траскмен, – со вздохом облегчения повторил вожак, – а я уже потерял надежду отыскать тебя. А с вами я еще разберусь, – обернулся он к оставшимся в живых. – Сколько раз было сказано – траскмен мой.

– Темно было, – несмело отозвался кто-то.

Вожак повернулся опять к противнику.

– Молод еще, – констатировал он. – Сопляк.

– Кто ты? – отозвался тот, – Что тебе надо?

– Я – траскмен. Такой же, как и ты. А нужен мне твой меч.

– Если ты траскмен, то должен знать, что меч траскмена не отдается и не продается.

– Не отдается, – ухмыльнулся вожак, – я с этим согласен. Но зато он может передаваться.

Ты об этом не думал, сынок?

– Как это – передаваться? – не понял обороняющийся.

– Очень просто. Если, к примеру, траскмен умирает, меч переходит к его сыну. А если нет сына, нет дочери, вообще никого из родственников нет, то тогда как?

Молодой человек молчал, начиная понимать, куда клонит вожак.

– Тогда меч получает достойный его. Как и в случае с тобой. Родных у тебя нет.

– Как нет? Есть. Братья. Жена. Сын растет.

– Были, сынок, – перебил его вожак, – были. Теперь уже нет. – Он сказал это так, что не поверить ему было невозможно. – Один ты остался на белом свете. А сейчас и тебя не будет. Кому оставишь меч? – вожак вперил свой взгляд, мгновенно ставший жестким и беспощадным, в противника. – Некому. Только разве что мне. Потому как из всех достойных я – самый достойнейший.

– Нет! – спекшиеся губы молодого траскмена исторгли стон. – Н-е-е-т!

– Да! – рявкнул вожак. – Да! И к тому же, я коллекционирую мечи траскменов. Твой будет пятым. Или, может, – усмехнулся он, – ты отдашь его мне добровольно, а? Может быть, я тогда пощажу тебя, не буду убивать. – Он помолчал в ожидании ответа. – Но тогда тебя могут убить мои воины.

– А я не отказываюсь от боя, – молодой оттолкнулся от стены и крепче сжал меч. – Твои воины уже убедились в этом. И этот меч ты вынешь только из мертвых рук.

– Хорошо сказано, сынок! – похвалил его вожак. – А я уж подумал... Но ты – настоящий траскмен. Мне будет приятно убить тебя.

– Мне тоже, – отозвался тот.

– Вот и прекрасно. Но сначала формальности. Назови себя.

– Я – Донов, траскмен города. Я убью тебя.

– Очень приятно. А я – траскмен Тан. Ничего обещать тебе не буду. Глупо обещать что-либо труп. Освободите место, – приказал он своим. Те отступили к стенам, распределив факелы так, чтобы равномерно осветить помещение.

– Готов?

– Готов! – и мечи скрестились. Удары, выпады, увертки, звон стали о сталь, мечущиеся по стенам тени. В технике боя траскмены не уступали друг другу, в чем Тан вскоре убедился, получив неглубокую, но болезненную рану поперек груди. Победа будет не из легких, но он все равно был в ней уверен. Те, другие, чьи мечи составили его коллекцию, были намного слабее, а некоторые, нося меч на поясе как символ власти, даже не умели правильно его держать. Но тем приятнее будет победа.

– А-а, есть! – радостно зарычал он, когда его меч, отбив очередной выпад Донов, оказался у груди противника. Но Донов извернулся, и клинок лишь скользнул меж ребер, разорвав мышцы. Неудача мнимой победы обескуражила Тана, начавшего уже уставать, и меч его, тяжелея в деревенеющей руке, все реже стремился вперед. Тан ушел в глухую защиту, успокаивая себя тем, что вот-вот он найдет щель в воздвигнутом Доновым щите, и тогда уже наверняка... Но откуда-то из глубины лезла и росла подлая мысль, что это все, это конец. Противник молод и не так устал, как он, и, вообще, зачем он так рано полез в этот подвал, не позволив своим воинам убить этого парня, зачем этот подвал, зачем эти рожи вдоль стен, почему не помогают, предатели, скоты! – и тут что-то легко чиркнуло по горлу, и Тану вдруг стало хорошо и легко. Исчезла боль в израненном теле, исчезла необходимость держать меч, обороняться, прыгать и увертываться. Он перестал чувствовать свое тело. Накатилась туманом сладкая истома. И Тан, траскмен, подогнув колени, мягко осел на пол. Его голова отделилась от тела и покатилась во тьму.

Донов, траскмен, унимая лихорадочную дрожь боя в руках и ногах, поднял голову и, тяжело дыша, обвел взором сцену и застывших на ней актеров. Бой еще не закончился, – он это отлично понимал. Дальнейшее зависело только от него, и на раздумья не было ни секунды. Воины Тана, вся эта свора псов, свято верящая в непобедимость своего предводителя, ошеломлена произошедшим, не верит в гибель командира. И сейчас они, очнувшись, набросятся, мстя за его смерть, за свою неопределенность, на Довова и растерзают его. Ни меч, ни умение не спасут его – уж слишком их много на одного. Сейчас главное – укротить эту взбешенную свору, загнать в клетку, из которой они еще не успели вырваться, не дать возможности думать их отупевшим мозгам, сдерживать еще не успевшие вырваться наружу страсти, – и тогда он оста-

нется жив. А что будет дальше – покажет время. Траскмены всегда были политиками. Знать психологию толпы, направлять людские эмоции в нужное русло, управлять толпами – это у них было клановое, этому они учились с детства.

Донов нагнулся над трупом, высвободил из скрюченных пальцев меч Тана, выпрямился и, резко вскинув руки со сжатыми в них мечами вверх, крикнул:

– Я – ваш траскмен!

Воины угрюмо молчали.

– Не слышу, – угрожающе произнес Донов.

– Да, – прозвучал одинокий и нерешительный ответ.

– Не слышу! – яростно закричал он.

– Да. Да. Да. – Раздался нестройный хор голосов.

– Не слышу! – в третий раз крикнул он, взмахнув грозно мечом.

– Да! – слился в единый хор ответ.

– Хорошо, – Донов опустил меч. – Пошли.

Люди цепочкой потянулись к выходу.

– Хозяин! – донесся сзади шепот. – У Тана осталась дочь.

Донов резко обернулся на говорившего.

– Ты кто?

– Фреди.

– Хорошо, Фреди. Я об этом подумаю. Что еще?

– Хозяин, бойся тех двоих, что пришли с Таном. Это его гориллы. Отъявленные звери.

Они не простят тебе убийство их хозяина.

– Я учту это, Фреди. И тебя я запомню.

– Благодарю, хозяин.

– Итак, он завелся уже одним сторонником. Это неплохо, – подумал Донов.

Спотыкаясь о трупы тех, кого он уложил по дороге сюда, подобрав на ступеньках разряженный бластер, брошенный им за ненадобностью, Донов выбрался наружу. Солнце Траска, четвертой планеты безымянной звезды из созвездия Гончих Псов, обозначенной по каталогу группой цифр, уже опускалось, окруженное ореолом от пыльной дымки, к горизонту. Сколько лет уже прошло с момента катастрофы, а пыль еще не осела полностью. Донов не был очевидцем катастрофы, он был одним из потомков выживших и о произошедшем знал только из рассказов, передававшихся из поколения в поколение.

Вначале был отряд первопроходцев, освоителей. Их выбросили на Траске, планете со сходными с Землей климатом и природными условиями. Выбросили, как практиковалось повсеместно, с одной целью – освоители должны были освоить незнакомую планету, прижиться на ней, доказать, что чужеродный элемент – человек Земли – вольется в ареал этой планеты, составит с ней одно целое.

Через три года, когда вероятность проживания человека на Траске была доказана, стали прибывать первые переселенцы. Освоители отправились осваивать новые планеты. Но не все. Девять из них решили остаться. На одном из материков (другой, расположенный симметрично, так и остался неосвоенным) заложили девять городов по именам оставшихся освоителей. Главой каждого города единодушно назначили оставшегося освоителя, как самого опытного. Так появились траскмены. По образу и подобию королей Земли звание траскмена передавалось из рода в род, не смешиваясь и не расплываясь среди населения. Траскмены не обладали королевской властью. Были и совет, и сенат. Но, как уж повелось, в сложных и спорных случаях всегда за советом обращались к ним, траскменам. Как к последней инстанции. И решение траскмена выполнялось вернее и быстрее даже наперекор постановлению сената. Траскмены со временем превратились в касту руководителей планеты и, хотя не обожествлялись в наш цивилизованный век, считались высшей элитой планеты.

Когда началась война Земли с независимыми колониями (Юнион Колониз), траскмены, не обращая внимания на раздираемый противоречиями сенат, заняли позицию нейтралитета. Агенты Земли и ЮК, гроздьями сыпавшиеся с небес, правдами и неправдами пытались перетянуть правительство планеты на свою сторону, но траскмены стояли на своем. И их слушались.

А потом нагрянула катастрофа. Из глубин космоса выплыл астероид. Он не столкнулся с Траском, всего лишь прошел вблизи планеты. Но и этого оказалось достаточно. Астероид прошел слишком близко. И оказался очень массивен. И имел высокую скорость. Гравитационным ударом он взрыхлил, словно плугом, поверхность материка и удалился, прихватив с собой часть атмосферы Траска. Города были разрушены, плодородный слой почвы уничтожен, перемешан с песком и лавой проснувшихся вулканов. Исчезла зелень планеты, реки вновь пробивали себе новые русла. Пыль и дым вулканов на многие годы застелили небо, закрыв доступ к земле животворным солнечным лучам. И наступила зима. Зима, длившаяся бесконечно.

Крохотные горстки людей, пережившие катастрофу, переставшие ждать помощи матери-Земли, не смирившиеся с грядущей смертью, упорно цеплялись за жизнь в этом крошечном снежном аду, хотя день ото дня их становилось все меньше и меньше. Люди Донова были поколением выживших после катастрофы. Были...

– В штаб, – коротко приказал он, – побыстрее! Ты, – ткнул он первого попавшегося, – бегом туда и объяви общий сбор.

Гонец сорвался, рискуя переломать ноги в камнеломе, и исчез в развалинах. Донов, сопровождаемый воинами Тана, шел по расчищенной от завалов дороге и будто вновь, как после долгого отсутствия, разглядывал свой город, город Донов, бывший город. Руины бывших когда-то домов, полузанесенные песком, вздымались по обе стороны холмами, заросшими травой и низким чахлым кустарником. Атмосфера планеты к этому времени, хоть и не совсем, но очистилась. Солнце, достигнув своими лучами поверхности, возрождало жизнь, вливало свою энергию во все живое.

– Сейчас бы начинать жить, – горько подумал Донов, – вспахать поле, сажать хлеб. Наслаждаться теплом. После всех невзгод. Так нет же, пришли эти... шакалы! – вспыхнувший гнев затопил разум, но Донов усилием воли отогнал его. – Нет, не сейчас. Может, еще не все потеряно. Может, жив еще кто-нибудь.

Но лежащие тут и там трупы горожан убеждали в обратном.

– Фреди, со мной, – внезапно остановился Донов. – Остальные – в штаб. Ждать меня. Я на минуту забегу домой.

Донов понимал, что в данный момент он поступает неправильно. В его отсутствие грабители могут организовать и избрать себе нового вожака. К тому же еще есть дочь Тана. Она – траскмен, и это говорит о многом. Насколько она инициативна? Если в папашу, то Донову несдобровать. Но он не желал поддаваться логике. Главное – жена, сын. Живы ли они? Да еще тайник, где лежат единственные, возможно, в этом мире заряды для бластера. Имея бластер, он готов выступить против всей этой своры псов. С одним же мечом и званием траскмена – сомнительно.

Жена лежала на постели. Обнаженная, с бесстыдно раздвинутыми ногами. Из распоротого живота безобразно выпирали внутренности. Хрупкое тельце сына лежало тут же у стены, ниже темного ржавого пятна, неестественно вывернув ручки и ножки, и было похоже больше на тряпичную куклу, если бы не кровь на деформированной сплюсненной головке.

Донов, не в силах держаться на ставшими неожиданно ватными ногах, сполз по стене на ступени, остановив отрешенный взгляд на том, что еще недавно было его семьей. Не думалось, и не хотелось думать. Черная пустота опустилась паутиной на его мозг. Рухнуло. Все рухнуло. Куда теперь? Зачем? И стоит ли? Лучше уйти, забыться в объятиях смерти. Только в ней, смерти, избавление от всех бед и невзгод.

– Хозяин, – вывел его из забытья Фреда, который остерегся следовать за ним и остался наверху, – хозяин!

Донов тяжело поднялся и, стараясь не смотреть на останки жены и сына, прошел в соседнюю комнату, где был замаскирован тайник. Забрал последние три обоймы, равнодушно глянул на то, что еще вчера считал сокровищем – дневники и записки предыдущих траскменов. В одно мгновение все рухнуло, и то, что имело ценность еще вчера, сегодня уже являлось грудой никому не нужных бумаг. Вышел, не оглядываясь, оставив за порогом все то, чем жил раньше.

– Узнаешь, кто убил, – процедил он, – сообщишь.

– Сделаю, хозяин, – угодливо отозвался Фреда.

Ватага была уже почти вся в сборе, только кое-где еще подходили, нетерпеливо подгоняя пленных.

– Человек сто, – определил траскмен.

Заметив приближающихся, бандиты прекратили шумный спор и настороженно следили за приближением чужого траскмена. Угрюмые, заросшие щетиной лица, зловещий блеск глаз. Все были одеты в лохмотья, ноги у одних в стоптанной, потерявшей форму обуви, у других обернуты в тряпье и шкуры, третьи же вообще были босиком с черными, потрескавшимися от холода и заскорузлыми от грязи ногами. Оружие тоже было разное – мечи, дубинки, копья, луки со стрелами. Донов с удовлетворением заметил, что бластер есть только у него.

При их подходе толпа расступилась. Вперед вышла женщина, похоже, единственная, насколько успел заметить Донов, в этой толпе бродяг. Женщина оказалась молодой, лет двадцати пяти – тридцати и, несмотря на лохмотья и грязь на лице, миловидной, хотя отцовские гены и угрюмость несколько скрашивали облик.

– Я – траскмен Тан, – с вызовом сказала она.

– Если ты траскмен, – с усмешкой ответил Донов, – то где же твой меч?

– У тебя, – указала она на отцовский меч в руках Довова. – Верни мне его. Он мой по праву.

– О каких правах ты говоришь? О праве безнаказанно врывать в селение, грабить и убивать? Убивать стариков, женщин, детей. О праве сильного? Твой отец был сильным. Но я оказался сильнее и убил его. И теперь по вашему праву – праву сильного – я – ваш траскмен.

– Но прежде ты сразишься со мной, – яростно воскликнула дочь Тана и, выхватив меч, висевший у нее на поясе, кинулась на Довова.

Донов одним ударом выбил меч из ее рук и приставил свой к ее груди.

– Ступай на место, женщина, – с презрением произнес он. – Я с женщинами не воюю. Фреда! – крикнул он.

Фреда без лишних слов подскочил к девушке и, скрутив ей руки, потащил в сторону.

– Не слушайте его, – закричала она, с остервенением вырываясь из рук Фреда. – Я – ваш траскмен. Вы это знаете. Это чужак. Убейте его.

Послушная ее зову, толпа колыхнулась в сторону Довова, но тут же замерла, увидев в его руках бластер.

– Не бойтесь, бластер разряжен, – вперед пробился человек с мечом в руке, в котором Донов признал одного из своих бывших противников, – у него заряд еще в подвале кончился.

– Хочешь проверить? – Донов наставил бластер тому в брюхо, – сделай шаг. Только один шаг.

– И сделаю, – тот шагнул вперед и тут же упал, подкошенный огненным лучом.

– Есть еще желающие? – Донов удовлетворенно хмыкнул при виде отшатнувшейся толпы.

Итак, я – ваш траскмен! – повел он бластером.

– Да. Наш. Да. Траскмен, – послышался нестройный гул.

- Не слышу.
- Наш. Наш. Наш.
- Я – ваш траскмен.
- Ты – наш траскмен.
- Траскмен Донов.
- Траскмен Донов.
- Вы – Доновы.
- Мы – Доновы.

– Хорошо. Теперь слушайте приказ. С этого момента больше ни одного убийства, ни одного грабежа. Пленных отпустить. Награбленное вернуть. Убитых похоронить. Всем расселиться в городе. Насчет жилья и питания обращаться к жителям или непосредственно ко мне. Оружие снять и сдать мне на хранение, – по толпе пронесся ропот. – Военные действия закончены. Наступает мирная жизнь. Когда утихнут страсти, вы получите оружие обратно для охоты. А пока – комендантский час. Кого увижу с оружием – расстрел на месте. То же самое для тех, кто нарушит любой пункт приказа. Разойдись!

Бродяги, дезориентированные, сбитые толпой последними приказами нового траскмена, нехотя побросали оружие и стали молча разбредаться, исчезая среди развалин города.

– Пока все складывается неплохо, – подумал Донов. – Первый раунд за мной. Фреди, – приказал он, – девушку запереть в подвале. Крепко, чтобы не выбралась. Охранять. И еще, – он устало потер виски. – Подбери команду из надежных людей. И выявляй недовольных. Они опасны. За ними организуй слежку. Обо всем докладывать мне. Много дел? – устало улыбнулся он Фреди.

– По самые уши, хозяин.

– Ничего, справимся. Это только вначале тяжело, потом будет легче. Все настроится.

Траскмен переговорил с небольшой группой плененных земляков, среди которых, в основном, были женщины, перетащил с их помощью брошенное оружие в подвал и, оставив охранение, отправился в обход города. Следы набега попадались на каждом шагу. Разграбленные помещения, разбросанные вещи и утварь. Кое-где догорающий огонь уничтожал следы человеческой деятельности. И трупы, трупы своих и чужих. Одних уносили группы молчаливых оборванцев, других оплакивали оставшиеся в живых домочадцы. Траскмен утешал и подбадривал пострадавших, утихомиривал еще не остывшие страсти и пресекал мелкие стычки, грозящие перерасти в кровавую бойню. Запрет на оружие оказался как нельзя кстати. Бродяг, в одночасье превратившихся из победителей в изгоев и теперь потерянно кружащих среди развалин, приходилось насильно размещать в опустевших помещениях.

К вечеру траскмен опять собрал всех оставшихся в живых жителей города и бывших врагов и обратился к ним с речью.

– Людей на планете осталось мало, – говорил он, – и поэтому нужно беречь для возрождения цивилизации каждого человека, каждую жизнь. Забыть обиды и месть, перевоспитать заблудших и сделать из них нормальных членов общества. Надежды на помощь Земли нет. Только в единстве мы выживем.

Собрание обошлось без инцидентов, и траскмен распустил людей с большей уверенностью, что через неделю-другую жизнь в городе наладится. Но ошибся. Утром обнаружилось, что охрана оружия и дочери Тана перебиты, а сама она и часть оружия исчезли. Исчезла также и часть бандитов, в том числе телохранители Тана. На совете, который избрали из числа жителей и вновь прибывших было решено раздать всем оружие. Бывшим бродягам, оставшимся в городе, надоела кочевая жизнь с бандой Тана, и они добровольно приняли законы города Донов, заверив его жителей в своей лояльности, желании спокойной жизни и помощи в борьбе с остатками банды. Так что угроза внутри города исчезла, хотя и появилась извне. Разыскивать бандитов в хаосе закоулков необжитой части города было невозможно и к тому же могло

повлечь дополнительные жертвы. Поэтому совет решил выставить круглосуточные посты на границах заселенной территории, а остальным быть в постоянной готовности к отражению набегов ожидаемого противника.

Прошла неделя, другая. Нападения не было. Разведчики, прочесав город, не обнаружили следов сбежавших грабителей. Было решено отменить военное положение, хотя на ночь посты продолжали расставляться. В одну из таких ночей и произошел переполох. Когда Донов, разбуженный звоном колокола, прибежал полуодетый, но с мечом и бластером в руках на площадь, люди, собравшиеся там, молчали, подняв глаза в черное, с блестками звезд ночное небо. Там, среди застывших неподвижных звезд, неторопливо пробиралась одна ожившая звезда.

– Космический корабль! – послышался еле слышный шепот. Будто громким возгласом можно было неосторожно спугнуть эту искорку, светлячка в небе. – Земля! Наконец-то!

Накатилось облегчение, словно все пережитое, – голод, холод, борьба за выживание – эти долгие годы без просвета и надежды уже позади. Мать-Земля пришла на помощь, протянула свою мягкую, теплую, нежную руку, пришла спасти своих потерянных детей.

– А может он мимо пролетит, – несмело заметил какой-то скептик, но на него зашикали, заставив замолкнуть и не омрачать такую торжественную минуту.

Звездочка проползла по небосводу и скрылась за горизонтом. Никто не расходился. Стояли и ждали, устремив глаза на противоположную точку горизонта, на восход. Дрожали от ночного холода, но никто не уходил. Все ждали. Разговоры, начавшись, тут же затухали. Ждали.

Наконец, спустя мгновения вечности, звездочка вынырнула из-за горизонта и опять лениво поползла меж звезд.

– Ура! К нам летит! – заорали все, оживившись, прыгая от радости, обнимаясь и целуясь со знакомыми и незнакомыми, словно все стали с этого мгновения единой и дружной семьей. – Наши! Ура!

Кто-то бросился собирать валежник. Ломать сарай и палить, несмотря на увещания, костер в надежде, что огонь заметят из глубин космоса. Кто-то побегал за выпивкой и закуской. Вскоре у костра уже веселился весь город. Одни пили вино из местных ягод, другие танцевали вокруг костра, третьи молча, со слезами на глазах смотрели в небо. Конец всем горестям и невздам. Впереди только счастье, безоблачное, нечеловеческое.

Следующие дни проходили в томительном ожидании. Деловая деятельность была парализована. Никто не хотел ничего делать, работа валилась из рук. И только небосвод находился под постоянным надзором. Целыми днями группки людей стояли, устремив взоры к небу в надежде заметить движущуюся точку. Обсуждали причины задержки и успокаивали друг друга, что они вот-вот, если не сегодня, то завтра уж обязательно появятся. Звездочка по ночам все так же неутомимо плыла в небе, не улетала, не исчезала. А с ней и не исчезала надежда. Днем и ночью горели сигнальные костры, подымались высоко в небо столбы дыма.

Наконец, на третий день ожидания на площадь опустился флаер, и из него вышли три человека. В форме космической военной пехоты, с эмблемами голубого шара на золотистом фоне. Земляне!

Грубые неподвижные лица, жесткий взгляд заставили кинувшихся было обниматься жителей Траска остановиться, притушили радость встречи. Прибывшие внушали смутную тревогу.

Наиболее представительный космонавт, весь в нашивках, эполетах и аксельбантах обвел невыразительным взглядом обступившую их толпу и произнес:

– Кто главный?

Донов выступил вперед:

– Траскмен Донов. Представляю жителей, – повел он рукой в сторону земляков, – города Донов. На планете еще имеются девять...

– Знаю, – прервал его космонавт. – Я – капитан Шейни, адъютант командира линейного крейсера «Зонтаг» космического флота Земли генерала Виста. Нам необходимо переговорить. Конфиденциально, – подчеркнул он.

– Может, вы что-нибудь скажете для начала людям, – Донов кивнул на жителей. – Они очень долго этого ждали.

– После. Сначала с Вами.

– Хорошо. Пройдемте.

Уединились в комнате одного из подвалов, выбранного в качестве муниципалитета. Донов краем глаза заметил, что двое последовавших за ними военных ниже рангом встали у двери на страже, но не стал ничего высказывать адъютанту. У землян свои причуды.

– Мы побывали в нескольких городах, – начал капитан, – и убедились, что ваше положение бедственное. Везде разруха, голод. Некоторые – Адамс, Патсон, Саттон и Форд – вообще безлюдны. Вымерли. То же ждет вас и другие города.

– Но мы не вымерли, – возразил траскмен, – хотя и должны были. Когда произошла катастрофа, и...

– Да, я знаю, – нетерпеливо перебил его капитан. – Был астероид, который разрушил планету, была долгая зима, холод, голод, смерть и прочее. Что продолжается до сих пор.

– Напротив. Климат стабилизируется. Уже не так холодно. Солнечные лучи пробиваются до поверхности. А где солнце, там и жизнь. Вы заметили, что холмы покрыты зеленью? Пусть трава еще слабая, кустарники чахлые, но это только начало. Мы пробуем выращивать некоторые культуры, но они пока еще не вызревают. Но скоро будут. Нам бы только продержаться еще немного.

– Вы сидите здесь в своих норах и не можете знать общей обстановки на планете. Жить здесь невозможно. Разве что через двести – триста лет. Но к тому времени на Траске не останется ни одного человека.

– Но мы же жили все эти годы, жили и выжили. У нас даже впервые за все годы после катастрофы наметился прирост населения. Так что не говорите о конце человечества на Траске. Оно возродится, вот увидите. Выживет и возродится.

– Хотелось бы надеяться, – усмехнулся капитан, – но наши ученые скрупулезно изучают ситуацию, и ответ пока неутешительный. Вы все погибнете.

– Но есть же вы, – возразил Донов. – Земля не позволит погибнуть своим детям. Нам и нужно-то немного – продукты, сельскохозяйственные орудия, животные. Многого мы не просим. Лишь бы продержаться еще лет пять – десять, а там уже мы крепко станем на ноги. И тогда в помощи Земли необходимости уже не будет.

– Земля не поможет, – отрубил Шейни. – У нас сейчас своих проблем хватает. Война почти закончена, лишь кое-где на окраинах «юки» еще оказывают сопротивление. Но мы доберемся и до них, задавим как собак, – Шейни сдержал выхлестнувшую было наружу ярость и продолжил. – Для Земли война не обошлась даром. Промышленность, транспорт парализованы, природные ресурсы исчерпаны. Планета истощена. Безработица, инфляция, толпы недозволенных... – капитан помолчал. – Так что помощи от Земли не ждите. Нам самим приходится туго. Единственное, что мы можем для вас сделать, – это эвакуировать вас на Землю. На родной планете вам будут предоставлены все условия для нормальной жизни – жилье, питание, работа. Нам нужны рабочие руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.